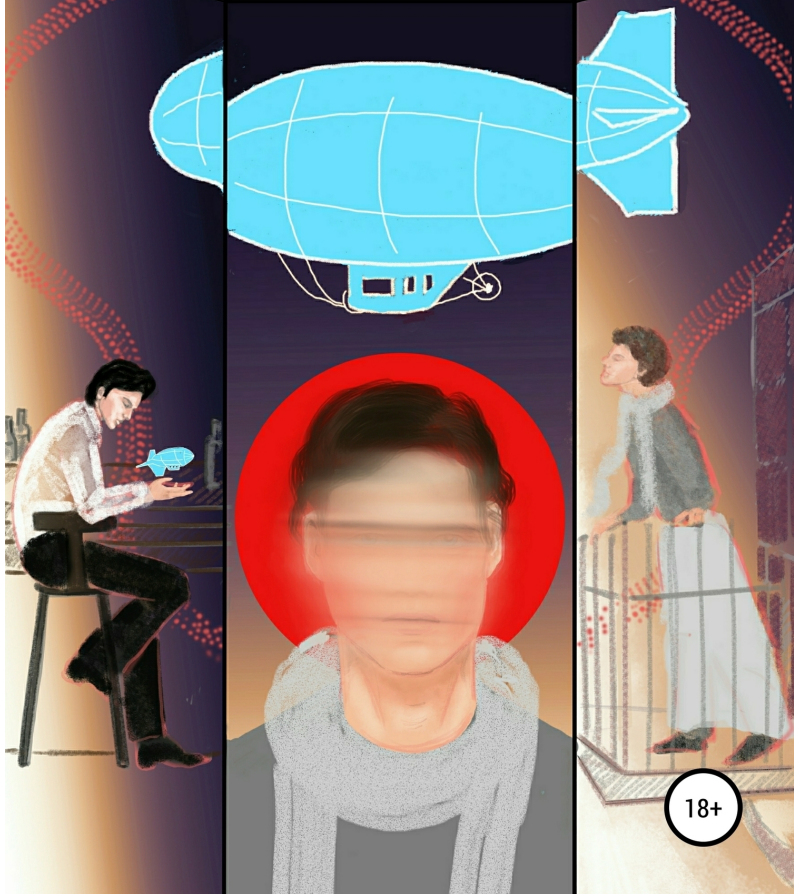

Яна Саковская ГОЛУБЫЕ ДИРИЖАБЛИ

Яна Саковская

Голубые дирижабли

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28512120

SelfPub; 2019

Аннотация

Я не помню своё имя, я не помню, как выглядит моё лицо, и я не помню, зачем я в этом мире. Я только знаю, что если буду читать знаки и следовать интуиции, то найду сокровище. Я предчувствую, что забуду, что нашёл его, как только засну, и утром начну поиск снова. Я хотел бы проснуться и помнить... Шестой рассказ из серии.

Моя работа здесь – читать знаки и следовать интуиции. Когда у меня внутри начинает биться ощущение «мне туда», мне нужно всё бросить и бежать туда.

Я знаю, что если я правильно прочту все знаки и буду следовать им, то в конце пути меня ждёт сокровище. Я не помню, какое. Моя задача – доверять своей интуиции настолько, чтобы она вывела меня к сокровищу. Я узнаю его. Непременно.

Я веду дневник. Мой дневник – это сборник слов, фраз, обрывков никогда не слышанных разговоров, от которых замирает и пускается вскачь моё сердце.

«Забвение», «новый день», «я наконец нашёл тебя», «Просто скажи мне эту фразу, и я вспомню! – Но какому тебе, в каком из миров мне нужно это сказать? – Назови меня именем моим, которое только ты знаешь. Может быть, я посмотрю в твои глаза и вспомню, что это моё имя...»

Я не знаю, что значат эти слова.

Моя работа здесь – читать знаки, доверять интуиции и вспоминать. Вспоминай, вспоминай, вспоминай...

Я хотел бы в этой фразе обратиться к себе истинным именем, но я не помню его.

Я так устал от этого, что я давно бы уже умер от этой усталости, если бы надежда на сокровище не была бы мне дороже смерти.

Выхожу на балкон приветствовать новый день.

День великолепный. Чистое белёсо-оранжевое небо. К крыше небоскрёба напротив, центра спального района, швартуется голубой дирижабль.

Больше всего в этом городе я люблю дирижабли и воздушные шары. Их много над городом, это популярный вид транспорта для тех, кто никуда не торопится и любит небо. Дирижабли связывают центры деловых, научных, политических районов города с центрами спальных районов и работают как общественный транспорт. Воздушных шаров меньше, но они есть, и их используют в качестве маршрутных или частных такси. Весь воздушный транспорт разноцветный, однако с каждым годом становится всё больше голубых дирижаблей и шаров. Голубые дирижабли на светло-оранжевом небе. Какая-то городская служба присвоила себе голубой цвет? Или это новая, набирающая популярность транспортная компания? Тени голубых дирижаблей тёплые в прохладные дни и прохладные в жару. Я люблю, когда они касаются меня.

Дирижабль отходит от посадочной площадки, и мне тоже пора собираться и идти. У меня есть работа. Только в небе мало знаков – мне придётся спуститься на землю, где плотнее пространство и гуще жизнь.

Смотрю на себя в зеркало перед выходом – я никогда не могу запомнить своего лица. В витринах магазинов я опознаю своё отражение по одежде, и каждый день мне нужно запоминать, что я надел, чтобы найти своё отражение среди

прочих. Сегодня я надел длинную белую юбку, лёгкую серую кофту с длинным рукавом и вокруг шеи замотал серый шарф. Внизу, в городе, скорее всего будет жарко к полудню, но широкий мягкий шарф уберёжёт от ветра, если я опять поднимусь на высоту. Ноги сунул в остроносые тапочки без пяток. Кроме дирижаблей в этом городе я люблю, что как женщины свободно носят брюки, так и мужчины с удовольствием носят юбки и платья.

Сую в карман юбки бумажник и ключи, захлопываю дверь квартиры, дожидаясь лифта и спускаюсь. Лифт со стеклянной кабиной плывёт по внешней стороне здания и открывается в улицу, в шум и яркость городской жизни внизу.

Первый и ежедневный выбор, которым меня встречает утренний город, – на какой свет пойти: на бирюзовый или на алый. Для кого-то горит алый, для кого-то – бирюзовый. Прислушиваюсь к себе. Мне кажется, что, если я пойду на бирюзовый, там нет ничего интересного. А если я пойду на алый, это приблизит меня к сокровищу.

Дожидаюсь алого света, шагаю с тротуара на дорогу и иду. Как сквозь сон, слышу гудки, сердитое шипение колёс, крики и ругательства. Только оказавшись на другой стороне улицы, понимаю, что это был не выбор, на какой свет идти, – это был светофор. Я перешёл дорогу на красный свет.

Мне кажется, я делаю это каждый день. Эти листовки, которые я, закрывая дверь, мельком увидел торчащими из почтового ящика, – это же, наверное, штрафы за то, что я каж-

дый день выбираю идти на алый свет. То есть, перехожу дорогу на запретный сигнал светофора.

Нет. Я выбираю идти в сторону алого света. Это важно. Это – знак.

На этой стороне улицы стоит девушка, одетая в короткое ярко-красное платье. Нос и рот у неё прикрыты белой маской, на которой нарисована белозубая улыбка. Глаза уставшие, хотя ещё только утро. Девушка раздаёт листовки.

Мне кажется, что вчера её не было.

Взять листовку или не взять?

Взять.

«Центральный парк развлечений приглашает на открытие нового аттракциона!

ЛАБИРИНТ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Потеряйте себя среди кривых отражений и обретите вновь.

Увидьте тысячу своих лиц – таких, которых вы никогда не видели.

Вы думали, что вы знаете, как вы выглядите?

По этому приглашению вход свободный»

Когда человеку, который не может запомнить отражение своего лица, попадаетеся такое приглашение – это знак.

Центральный парк развлечений. На набережной, примыкает к торговому кварталу. Это мне нужно... либо на дирижабле добраться до торгового квартала, либо на автобусе.

На автобусе. Я люблю дирижабли, но сегодня я хочу быть

ближе к земле. На земле повсюду рассыпаны знаки.

В парке появилась новая детская площадка. В центре – голубой дирижабль, размером в треть настоящего. Двери кабины открыты, внутри виднеются заманчиво и таинственно выглядящие штуки, бегают и играют дети. Купол дирижабля не содержит воздуха. Зато дети могут залезть в него по верёвочным и обычным лестницам и канатам с одной стороны и скатиться с горки – с другой. Рядом с дирижаблем – несколько моделей парусных кораблей, с лестницами, горками, тоннелями – и голубыми парусами. Вижу, как двое мальчиков слаженно крутят ворот – спускают паруса. Успеваю заметить кусочек текста на полотне, «Незабываемых приключений вам», прежде чем полотно сворачивается. Незабываемых, ага. Грустно усмехаюсь.

Вокруг морских и воздушных кораблей – качели разных размеров, горки попроще, турники, песочницы и другие развлечения для детей, а также скамейки для родителей, фонтаны с питьевой водой, несколько шезлонгов, опрятные кабинки туалетов. Много из этого – освежающего и бодрящего, ярко-голубого цвета.

Конечно же, эта площадка – это реклама компании, которая управляет голубыми дирижаблями. Но как же от души сделано! С любовью к кораблям – и не для рекламы, а для людей. И дети и взрослые совершенно взаимно любят голубые дирижабли.

Зеркальный лабиринт располагается напротив детской площадки. Закрытое со всех сторон одноэтажное квадратное здание, с кафе на крыше. Перед входом нет никого из посетителей, только девушка-билетёр. Отдаю листовку. Она открывает для меня дверь и закрывает за моей спиной.

Оказываюсь в абсолютно тёмном помещении. Не вижу даже своей светлой одежды. Выставив руки вперёд, делаю пару осторожных шагов. Ладонями упираюсь в стену. Влево или вправо? Опять выбор. Вправо. Двигаюсь вдоль гладкой стены. Они обещали лабиринт отражений, а не лабиринт в темноте! Стена упирается в угол. Касаюсь примыкающей стены руками – и она распахивается в стороны. Вот это – вход в лабиринт.

Границы зеркальных панелей подсвечены фиолетовыми огоньками. На полу подсвечен белым геометрический орнамент. Больше источников света нет. Смотрю на себя – белая юбка светится при таком освещении.

Делаю шаг вперёд и оказываюсь в пространстве лабиринта. В панелях вокруг появляется светящаяся белым фигура. Я, значит. Подхожу к ближайшей панели вплотную, касаюсь своего отражения и вглядываюсь. Как выглядит моё лицо? Какого цвета мои глаза?

Закрываю глаза – перед глазами отсветы от подсветки, но я не могу вспомнить, как я выгляжу.

Может быть, моя идея прийти сюда не была такой уж удачной. Вряд ли среди этих панелей я вспомню то, что я должен

вспомнить.

Тогда мне нужно просто выбраться отсюда.

Вправо или влево? Влево. Светящаяся фигура в отражениях приходит в движение, и я иду то к ней, то от неё, то мимо неё. Через несколько шагов я оглядываюсь и понимаю, что дверь с этой стороны тоже была зеркальной. Я уже не знаю, где она, и могу идти только на выход.

Останавливаюсь у другого отражения – оно выглядит ровным – и принимаюсь вслух описывать то, что я вижу. Закрываю глаза – я не помню ни отражения, ни того, что сказал.

Я смотрю на несколько отражений – в одном фигура искажена по диагонали, в другом – расплылась, в третьем – карлик. Моей лучшей гипотезой на пути сюда было, что я увижу разные свои отражения и смогу составить портрет из общих черт. Я же могу вычленять общее и запоминать его! Иначе мне было бы очень трудно жить в мире. Однако я ошибся. Я не могу составить умозрительный портрет.

Это мучительно. Я хочу выйти отсюда.

Влево. Ещё раз влево. Тупик. Развернуться. Там было влево, значит, сейчас нужно повернуть сюда.

Чем дальше иду, тем больше рябит в глазах от ярких фиолетовых огоньков и белых полос в тёмном помещении. У меня кружится голова, всё сильнее и сильнее. Возможно, это от отражений. Возможно, мои мышление и память переутомляются в этом месте. Как будто моя память – это замок, который осаждают толпы отражений, и замок упорно держит-

ся, но его ресурсы на исходе.

Хватаюсь за раму зеркала, закрываю глаза. Перед глазами мелкая рябь из световых пятен. Прикрываю глаза ладонью – становится чуть темнее.

Мне нужно выбраться отсюда. Мне плохо.

Открываю глаза – становится хуже. Меня начинает мутить, и я вынужден опереться на зеркало спиной и двумя руками прикрыть глаза. Закладывает уши. Как будто я нырнул на большую глубину. Почему мне так плохо?

Прошибает холодный пот, и я не могу держаться на ногах. Медленно опускаюсь. Надо позвать... на помощь...

– Молодой человек!

Кто-то трогает меня за плечо.

Женщина средних лет, в форме и фартуке. Широкое лицо обеспокоено.

Где я? Щурюсь от света, моргаю и смотрю по сторонам.

Зеркала.

А, зеркальный лабиринт. Только почему светло? А, включили свет.

– Вам плохо?

А, точно, мне стало плохо. Похоже, я отключился.

– Молодой человек, вам нужна помощь?

Вообще да.

– Я буду очень благодарен, если вы выведете меня отсюда, – хрипло говорю я и поднимаюсь. Она щурится и огля-

дывает меня.

– Пойдёмте, – и она указывает путь.

– А что, лабиринт уже закрывается? – смотрю в её спину и стараюсь не смотреть в отражения.

– Да, уже закрылся. Вы давно пришли?

– Да, около полудня. И мне почему-то стало плохо. Я потерял сознание. Извините, – зачем-то добавляю я.

Она останавливается и окидывает меня оценивающим взглядом. Ещё бы, я отключился на несколько часов.

– Давайте я вас чаем напою. А то выглядите вы не очень.

– Извините, – опять говорю я. Она хмыкает и уверенно идёт по зеркальным проходам.

Доходим до зеркальной двери, над которой написано, что это служебное помещение, заходим внутрь. Она наливает кружку чая и вручает её мне.

– Вы пейте, а потом просто поставьте кружку на стол. Выход – из дверей налево и первый поворот налево. Я пойду работать. Берегите себя.

Рассеянно благодарю её. Она пожимает плечами, выкатывает из подсобки пылесос и уходит.

Пью чай и постепенно прихожу в себя настолько, что готов ещё раз высунуться в лабиринт и пройти до выхода. Главное – не смотреть на отражения.

Выхожу к набережной. Уже совсем стемнело. Небо налилось фиолетово-коричневым. Ещё часов пять оно будет тёмным, а после полуночи начнёт светлеть и к утру будет белё-

сым. В тёмном небе огромными светящимися рыбами плывут подсвеченные голубые дирижабли. Дышу прохладным воздухом, смотрю на освежающие очертания дирижаблей, и в голове проясняется.

На сегодня подвигов достаточно.

Я хочу... Я хочу поужинать и выбираться отсюда домой. Пока помню, где находится дом. Поужинать...

Я на набережной в торговом квартале. Если пройти немного по набережной, то там можно будет свернуть на ресторанную улицу торгового квартала. Да.

У поворота останавливаюсь, ещё минутку любуюсь плывущими в небе дирижаблями и дышу влажным воздухом, а потом захожу под свет вывесок, тени навесов и мерцание гирлянд ресторанной улицы.

Полно народу. Смеются, стучат приборами о тарелки, звенят бокалами, аплодируют, ругаются. Иду быстро, бросая взгляды по сторонам. Мне нужно какое-нибудь тихое место. Там, где будет всего пара человек, где я смогу расслабиться.

Вот сюда!

Поддавшись порыву, сворачиваю с улицы в переулок и сразу вижу нужное заведение. Не сетевое. Уютное на вид. Круглый светлый шар с фонарём внутри у входа, тяжёлая дверь. Через окна видно, что часть столиков заняты, и меня почему-то тянет внутрь, и я зайду. Устал я или нет, но моя работа здесь – слушать интуицию.

Захожу – колокольчик оповещает о моём приходе – и

осматриваюсь. Справа – зал, слева – стойка. В зале все сидят как-то поодиночке. Еды на столах мало. Больше напитки. Посетители – кто пишет, кто рисует, кто откинулся на спинку стула или дивана и задумался. Я хочу к стойке.

У стойки сидит сногшибательной красоты мужчина. Похоже, он разговаривал о чём-то с барменом, а сейчас отвлёкся на звон колокольчика и разглядывает нового гостя – меня. А я не могу не разглядывать его. Он одет в черные брюки и яркую белую рубашку. На груди висит медальон в форме солнца из жёлто-красного металла. Густые черные волосы якобы небрежно – очевидно, что к причёске приложил руку опытный мастер, – уложены на одну сторону. Из левого уха до плеча спускается длинная серьга в виде скелета рыбы, выполненная из белого металла. Чёрные глаза спокойно и изучающе смотрят на меня.

Я не могу отвести от него взгляд. Он притягивает меня – то ли своей завораживающей яркой красотой, то ли ещё чем-то. Или я его где-то видел? Бездумно забираюсь на высокий стул рядом с ним. На его губах появляется лёгкая улыбка.

– Добрый вечер, – говорит он.

– Добрый вечер, – машинально отвечаю я, всё так же не сводя с него глаз. Наверное, мне нужно объясниться. – Простите, что я так вас разглядываю... Сам не знаю, почему. Ваше лицо кажется мне знакомым, но я не могу вспомнить, откуда...

– Может быть, вам приглядеться поближе? – предлагает

он. Похоже, его это веселит. Может быть, он какая-нибудь звезда, а я не узнаю его, и это его веселит?

Я подаюсь к нему, чтоб приглядеться, – и высокий стул подо мной качается. Боясь потерять равновесие и упасть, я машинально хватаюсь... за моего соседа. Моя рука скользит по его туловищу – не за что ухватиться – и я удерживаюсь, опершись на его левое бедро.

– Ой, изви...ните, – начинаю я извиняться, но тут понимаю, что от моего резкого движения он даже не дёрнулся. Как будто ничего необычного. Поднимаю глаза. Наши лица близко-близко.

Он лишь высоко поднял одну бровь и улыбается кончиками отчётливо очерченных губ. Наклоняется к моему уху, так что я носом касаюсь его волос и вдыхаю запах его тела и одеколona.

– Ну как? Узнаёте? – тихо говорит он.

Я отстраняюсь, в смущении слезаю со стула и принимаюсь покачивать и двигать его, пытаюсь понять, как поставить, чтобы он не шатался.

Слышу полный досады вздох моего черноволосого соседа.

– Налей мне выпить, Мартин, – обращается он к бармену.

– Чего налить тебе, – и тут бармен обращается к нему по имени. Это имя звучит, как... льющееся в бокал из белого и жёлтого золота звёздное, алое вино. Мои ладони соскальзывают по гладкой поверхности стула, я опять теряю равновесие и обхватываю стул, чтобы не упасть. Стул гремит ножка-

ми по полу. Я смущаюсь ещё больше. Кожей чувствую пронзительный взгляд черноволосого. Выравниваюсь и держусь за стул как за преграду между нами. Взгляд уходит. Робко поднимаю глаза и наблюдаю за ними.

– Мартин, сто раз говорил тебе: не называй меня настоящим именем. Видишь – окружающие на ногах не могут устоять, – он улыбается, как будто это – одному ему понятная шутка. – Можешь гордиться тем, что ты знаешь моё имя, но не нужно называть его. У меня есть прекрасное публичное имя: Амрис. Используй его. Кан-Гиор может быть не против, чтобы его называли настоящим именем, но я – против.

– Хорошо, – и бармен, широко улыбаясь и протирая стеклянный бокал маленьким полотенцем, повторяет то же самое дивно звучащее имя. Черноволосый рычит и показывает бармену кулак. Бармен улыбается ещё шире. Ставит бокал перед ним и берёт протирать другой, такой же. Спрашивает. – А Кан-Гиор когда придёт?

Мужчина сводит брови и пристально смотрит на бармена.

– Мартин, – говорит он ласково, но в его голосе мне слышится угроза. – Скажи, только честно: ты издеваешься или спятил?

Мартин улыбается, как ребёнок, который показал фокус и сумел по-настоящему удивить зрителей.

– Мартин шутит! – восклицает он и вопросительно смотрит на черноволосого. Тот щурится.

– А это интересно... – протягивает он. – Ты научился шу-

тить? Если так, то за это точно стоит выпить. Открывай сидр.

Бармен широко улыбается, достаёт из холодильника большую бутылку без этикетки. Домашнего приготовления? Открывает крепление пробки, раздаются хлопок и шипение танцующих пузырьков... и по комнате разливается нежно-оранжевое небо. Восторг. Фонтаны. Смех самых любимых людей. Благословение моментов жизни, разделённых с ними.

Бармен наливает сидр в бокал черноволосого. Тот, прикрыв глаза, вдыхает аромат и улыбается, а потом с удовольствием делает глоток. И поворачивается ко мне. Я замираю в смущении и испуге. Мне кажется, что я невольно подслушиваю чужой разговор. Я услышал настоящее имя этого человека. Я очень хочу продолжать быть здесь, с ними – особенно с ним, – я мучительно ищу и не нахожу для этого повод. Я бы хотел поддержать этот разговор, но я не знаю, какой может быть моя в нём партия, разве что...

– Кто такой Кан-Гиор? – мой голос звучит робко, но почему-то чувствую, что этот вопрос я задать вправе. Мужчина улыбается довольно.

– Бинго. Вы задали самый важный вопрос. Вам полагается глоток этого восхитительного сидра.

Он протягивает мне свой бокал. Я отрываю от стула руку – оказывается, я всё это время судорожно сжимал пальцами сиденье – и машинально беру. Как будто это самое естественное в мире действие – пить из его бокала.

Вдыхаю светлый танцующий аромат, делаю глоток – сладкий, полный восторга и смеха, – и *вспоминаю*.

– Привет, – тихо говорит Амрис.

Тяжело опершись на стул локтями, разворачиваю бокал так, чтобы в стекле можно было рассмотреть моё отражение, и разглядываю его. Ещё одно моё кривое отражение. Какого цвета у меня глаза? Слишком темно, и я не вижу...

– Кан? – в голосе Амриса растерянность, беспокойство, недоумение. В этом мире у нас нет поля, но его чувства из долгой привычки я читаю легко. Мне нечего ему сказать. Я устал. Очень, очень устал. Делаю ещё глоток. Мне не верится, что когда-то я был настолько счастлив, чтобы сделать такой сидр. Амрис вздыхает. Я сжимаю в руках бокал. – Что случилось? На тебе лица нет...

Бокал рассыпается у меня в руках. Звенят осколки, сидр льётся по сиденью стула и начинает капать на пол.

Амрис, как всегда. Не в бровь, а в глаз. Совершенно не имел в виду.

Мартин охает, выбегает из-за стойки, оценивает масштаб бедствия, отодвигает меня от стула, исчезает за стойкой и появляется с тряпкой, щёткой и совком. Убирает осколки и лужу.

Я смотрю на свои руки. В местах порезов набухают капельки крови. Слышу движение.

Между моих ладоней оказывается маленькое белое полотенце, ладони Амриса сжимают мои вокруг него. Я опять

чувствую его взгляд, совсем близко теперь, и по-прежнему не могу на него смотреть.

– Кан-Гиор, – начинает он отчётливо и спокойно. – Пожалуйста, дай мне информацию о том, что с тобой происходит. Ты – выдающийся эмпат и телепат, я – нет. Поговори со мной?

Его ладони горячие вокруг моих. Он начал носить на большом пальце правой руки тонкое чёрное кольцо. Не видел раньше. Интересно, что оно делает. Или это просто кольцо?

Молчу.

– Смотри, – тихо и мягко продолжает он. – Чем скорее ты скажешь, что с тобой и что не так – здесь не надо быть телепатом, чтобы понять, что что-то очень сильно не так, – тем скорее мы сможем с этим что-то сделать. И пока я не начал неистово творить неведомую херню...

– Не надо трогать полотенца! – подскакивает к нам Мартин.

Он размыкает ладони Амриса, отодвигает его, забирает полотенце и сильно дует на мои ладони.

Порезы мгновенно затягиваются.

– Не надо трогать полотенца! – Мартин машет запачканным кровью полотенцем перед лицом Амриса и сердито уходит за стойку. Бросает полотенце куда-то вниз, достаёт свежее и, насупившись, принимается яростно протирать высокую белую чашку. Амрис усмехается и с интересом наблю-

дает за ним.

– Больше не буду, – обещает он. – Извини, Мартин, что взял твоё полотенце.

Мартин кивает и сопит, старательно работая полотенцем.

– Я очень устал, – вдруг выдыхаю я. Амрис поворачивается ко мне. Мы встречаемся взглядами – первый раз с того момента, как я вспомнил. Его глаза полны беспокойства и тепла.

– Принято, – отвечает он. Отступает к стойке, облокачивается на неё и задумывается, глядя на меня.

– Для особо уставших, – чуть менее сердито говорит Мартин. – Есть комната наверху.

Амрис смотрит на него, вновь переводит взгляд на меня, склоняет голову на бок и не глядя протягивает Мартину руку ладонью кверху. Мартин немедленно ставит на неё чашку. Амрис вздрагивает и смотрит на чашку.

– Дурень, – почти нежно говорит он Мартину. – Чашка мне зачем? Ключ давай.

Мартин сердито забирает у него чашку.

– Поговори со мной, Ам-рис, – нараспев говорит он, открывая какой-то ящик и шаря в нём.

Я невольно хмыкаю.

– Ишь ты, нахватался! – усмехается Амрис.

Мартин выдаёт Амрису ключ и ставит перед ним заодно и чашку. Амрис смеётся.

– Мартин, ещё раз, чашка-то мне зачем? Хотя... постой.

Сделай мне, пожалуйста, кофе с шоколадным сиропом. Сможешь?

Мартин опять забирает высокую чашку, бурчит что-то и возится с кофе-машиной. Делаю два шага к Амрису и встаю рядом. Мне лучше с каждой минутой – просто оттого, что я с ним. «Сейчас», – одними губами произносит он. Берёт меня за руку.

Жужжит кофе-машина, бормочет что-то Мартин, кто-то из посетителей за моей спиной шумно вздыхает, а Амрис держит мою руку, и я чувствую, как бьётся его пульс. Перед ним появляется чашка.

– Пойдём, – он подхватывает чашку и увлекает меня за собой, в сторону виднеющейся сбоку от стойки лестницы.

Наверху, на площадке с несколькими дверьми, он отпускает мою руку, вытаскивает из кармана ключ, смотрит на него, соображает, к какой двери он подходит, и открывает нужную. Заходит и включает свет.

Я захожу следом и закрываю за нами дверь. Комната уютная, выполнена в тёмных тонах. Тёмная мебель, тёмные стены, светлое покрывало на широкой кровати, светлые, сейчас задёрнутые шторы. Амрис проходит к стулу напротив туалетного столика и садится на него, я – сажусь на краешек кресла, стоящего рядом с шкафом, у выхода.

Смотрю в пол. Слышу, как Амрис вдыхает идущий от чашки аромат, одобрительно хмыкает и делает глоток. Вздыхает с удовольствием и меняет позу на более расслабленную.

Чувствую на себе его внимательный взгляд.

– Я готов слушать тебя, Кан, – объявляет он. – Поговори со мной, пожалуйста?

Действительно, Кан-Гиор. Просто начни говорить.

– Я устал, Амрис, – не поднимая глаз, говорю я. Он ждёт. Я продолжаю. – Я очень, очень устал. Я устал каждый день не помнить, кто я и как меня зовут, как я выгляжу, что я здесь делаю и когда это кончится. Я устал оттого, что у меня каждый раз после того, как всё-таки я вспоминаю, стирается память, и мне приходится начинать всё сначала. Я очень сильно от этого устал.

Делаю паузу. Смотрю краем глаза на него. Он опёрся подбородком на край чашки, медленно вдыхает ароматный пар и ждёт.

– Я завидую тебе, что, пока я вспоминаю – и не вспоминаю – и так мучаюсь от этого, ты ходишь с медальоном, который сохраняет твою память, наслаждаешься жизнью и зарабатываешь миллионы на голубых дирижаблях.

– Мне странно иначе, – тихо усмехается он. Я горько вздыхаю. Он тут же поправляется. – Прости... Я опять неудачно выразился. «Мне странно иначе» – это про миллионы. Мне нравится делать что-то полезное и красивое. Но это неважно сейчас. Совсем не важно. Пожалуйста, продолжай.

Я закусываю губу и жду, когда изнутри поднимется новый поток слов. Я не помню, когда я последний раз выговаривался ему.

– Мне плохо оттого, что у меня не получается. Что у меня раз за разом не получается восстановить память. Что самое большое, на что я способен, – это нащупать дорогу к тебе и к этому месту, где вы с Мартином угостите меня когда-то сделанным мной напитком силы, и я вспомню, на вечер вспомню, кто я, а потом опять забуду. И я буду видеть твоё лицо на рекламных щитах, на бутылках с газировкой, на воздушных шарах и в газетах – и я буду думать: «Вау, как он сногшибательно красив и какая у него серьга!» – но я не буду помнить, что это ты!

– Но ведь ты каждый раз приходишь, – тихо говорит Амрис. – Мартин меняет место, где находится бар, но ты каждый раз приходишь, опираясь только на своё ощущение «мне туда». Кан, ты такой герой...

– Я так устал.

Я складываю руки на животе и опускаюсь лицом в колени. Молчим. Амрис делает ещё глоток своего напитка.

– Ты помнишь, зачем ты это делаешь? – спрашивает он.

На самом деле, на эту тему у меня тоже есть, что сказать.

– Я помню – почему. Потому что ты сказал, что ты перестал чувствовать во мне интерес к жизни. Что последнее время мы делаем только то, что тебе интересно. Что ты не чувствуешь инициативы от меня. Что ты волнуешься за меня. И предлагаешь мне, например, родиться женщиной на Земле, чтобы я восстановил интерес к жизни и наслаждение собой, своей отдельностью. А когда я сказал, что я не хочу жить на

Земле без памяти, ты предложил потренировать возвращение памяти в этом мире, чтобы можно было легче сделать это на Земле. Я согласился, и ты, внимательно посмотрев будущее, нашёл нам компаньона: существо из моего кошмара, которое сейчас способно только создавать пространства для испытания веры существа в свои воспоминания и в свою личную историю, но когда-то, после встречи с нами, оно будет способно организовывать пространства, в которых существа будут вспоминать себя. И в этом состоянии Мартин сейчас здесь, держит пространство, куда я могу прийти и вспомнить себя. Я очень рад, что Мартин когда-то будет на такое способен, и это отличный, отличный план, но...

– Но? – едва слышно спрашивает он.

– Но, понимаешь, Амрис, это ты хочешь, а не я. Ты хочешь, чтобы я восстанавливал наслаждение своей отдельностью, а не я. Здесь нет моего искреннего желания. Поэтому, скорее всего, у меня и не получается самостоятельно и крепко восстановить память. Понимаешь, Амрис, – крепко обхватываю живот руками, обнимая себя. – Я сейчас правда не чувствую интереса к собственной жизни. Для меня быть с тобой главнее, важнее, вкуснее, ценнее, чем быть в одиночку. Я не вижу смысла быть в одиночку. Может быть, это из-за того, что я так плохо пережил твою предыдущую смерть на Земле и многими частями своей души помер вслед за тобой, но, понимаешь, Амрис, мне сейчас достаточно общности с тобой. Для меня это, как воздух. Я могу дышать и рас-

слабиться просто в присутствии тебя, просто рядом с тобой. Просто рядом с тобой, Амрис...

Вскакиваю и начинаю ходить между кроватью и шкафом. Амрис провожает меня взглядом, молчит и ждёт продолжения. Пройдя десяток кругов по пространству два на четыре шага, собираюсь с духом.

– И знаешь, чего я больше всего боюсь, Амрис? – останавливаюсь перед ним и смотрю на него. Амрис медленно поднимает глубокий и задумчивый взгляд на меня. – Больше всего я боюсь, что теперь, узнав это, что мне общность с тобой сейчас дороже своей отдельности и своего интереса жить, ты уйдёшь, потому что тебе со мной в таком состоянии не интересно.

Сказал.

Амрис жмурится, и его прекрасное, незабываемое для всех, кроме меня, лицо искажается в гримасе.

Выдыхаю, падаю обратно в кресло, поджимаю ноги, обхватываю колени руками, на руки кладу голову. Дышу. Это было очень страшно сказать, но это важно. И вот это ещё...

– Понимаешь, Амрис, – мой голос звучит тихо и глухо. – Получается, что я делаю это только потому, что я боюсь потерять тебя. Тогда у меня не будет ни личного смысла жить, ни общности. И когда я пытаюсь делать такие серьёзные штуки, как полное восстановление памяти, из страха, – конечно, у меня ничего не получается. И я оказываюсь в ловушке. Оттого, что у меня не получается, я чувствую, что утекает

время, которое у меня есть, чтобы добиться результата. Что у меня есть конечное количество попыток, и их стало на одну меньше. Мне становится ещё более страшно. А от этого только уменьшается вероятность того, что у меня получится.

У меня перехватывает в горле, я крепче сжимаю колени руками, вдыхаю через нос, выдыхаю через рот. Но и это ещё не всё.

– И ужасно, что осознаю я это только раз в несколько дней, когда я нахожу тебя и временно восстанавливаю память. Во всё остальное время я мучительно подозреваю, что что-то не так, но не могу вспомнить, что! Я не помню, в каком направлении и к какой цели я иду! Я пишу дневник из фраз, которые я не помню, что значат! Я не могу запомнить своё отражение в зеркале! Сегодня я был в зеркальном лабиринте, Амрис, и я видел десятки своих отражений. Я думал, что я запомню хотя бы одно или хотя бы в общих чертах я запомню, как я выгляжу. Но даже сейчас, когда я помню тебя, я не помню, как я выгляжу. Какого цвета у меня глаза, Амрис?

Я поднимаю взгляд на него. Амрис, нахмурившись и сощурившись, закусив губу, смотрит в пол.

– Ярко-ярко голубые, – отвечает он, не глядя на меня. И добавляет после паузы. – Как дирижабли. Того самого оттенка.

Слёзы наполняют мои, как оказалось, ярко-ярко голубые глаза, и я не могу их остановить. Амрис делает ещё глоток своего напитка, хмурится – остыл уже, что ли? – и отставляет

кружку на стол. Трёт ладонями лицо, как будто умывается, проводит растопыренными пальцами сквозь роскошно уложенные волосы. Смотрит на меня. Я отвожу взгляд.

– Кан... – начинает Амрис мягко. Вздыхает. Я сжимаюсь и глотаю слёзы. – Я слушаю тебя, и... и мне больно и непонятно, когда, в какой момент ты в этой истории оказался один. Ты не говорил этого раньше или не говорил так подробно, и я понимаю сейчас, что я очень мало знал о том, что с тобой происходит. Ты говоришь всё время: «Понимаешь, Амрис» – а я ведь всё это время действительно не понимал. Я думал, что мы в этой истории вместе, но для тебя это не так... Для тебя это бесконечный, отчаянный и страшный ад, в который ты идёшь в одиночку, потому что боишься потерять меня...

– Понимаешь, Амрис, – перебиваю его я, мой голос дрожит и прерывается. – И даже сейчас, когда ты это говоришь, я очень сильно боюсь, что ты уйдёшь, узнав, что я делаю это не ради себя, а ради того, чтобы не потерять тебя. Как я мог сказать тебе это раньше, если я настолько этого боюсь?

Амрис зажмуривается, прижимает пальцы к вискам на секунду и ещё трёт лицо.

– Как я мог это проглядеть? – бормочет он.

– И если уж ты заговорил об этом... – начинаю я последний слой. Я не думал, что туда пойду, но я не могу и не хочу останавливаться. Сжимаю кулаки, пока ногти не начинают больно впиваться в ладони, а потом расслабляю ладони и вновь обхватываю руками живот. – Я понимаю, что это про-

исходит в моей голове, но я перестал видеть тебя как друга. Я стал видеть тебя как... экзаменатора, что ли? Которому мне нужно представить результат, чтобы было что-то дальше! И сейчас я понимаю, что таким образом я сам отобрал у себя разрешение быть с тобой, пока я не представлю этот результат... А я... я соскучился по тебе, Амрис. Я соскучился по телепатическому полю, по чтению твоих мыслей, по чувству твоих состояний сразу во всей их полноте и больше всего я соскучился по тому, чтобы чувствовать всем своим существом твоё существо. Я люблю тебя очень сильно. Мне очень не хватает тебя. И... мне очень не хватает себя в том, как я люблю тебя, и вообще себя. Ты прав в этом. Я...

– Кан, Кан, подожди, – перебивает он меня и поднимает руку ладонью ко мне. Я останавливаюсь. – Я, кажется, выполнил задачу «Амрис, понимаешь...» и понял. Давай я обобщу, что я понял, и ты поправишь меня, если что?

Я киваю.

– Я предложил тебе сходить на Землю в женском теле, чтобы восстановить наслаждение собой и своей отдельностью, а ты услышал это так, что пока общность со мной тебе дороже собственных смыслов, я не хочу тебя или хочу только в определённом состоянии, и ты запретил себе быть в отношениях со мной, пока ты этого состояния не достигнешь? И в итоге у тебя нет ни своих смыслов, ни общности со мной, а есть персональный бесконечный ад, в котором тебе кругом плохо, смысла которого ты не видишь и в который ты идёшь

забывать и мучительно вспоминать себя и меня, хотя больше всего ты хочешь просто быть со мной?

Я обдумываю его слова пару секунд и медленно киваю. Амрис шумно выдыхает. Протягивает ко мне руку.

– Иди ко мне.

От этих слов внутри меня как будто ломается стержень, на котором я до сих пор продолжал. Тело обмякает в кресле.

– Кан-Гиор.

Боги, сколько же во мне, оказывается, было страха и напряжения. И как блаженно хорошо без них. Только пошевелиться не могу...

– Иди ко мне, – повторяет он. Не дождавшись отклика, он резко встаёт, преодолевает два шага между нами, оглядывает меня, наклоняется, подхватывает и помогает встать. При его поддержке я могу встать, да. Стою, правда, нетвёрдо, и он, придвинувшись ближе, обнимает меня и берёт на себя часть веса моего тела.

– Опирайся, – говорит он. Обнимает меня крепче и касается губами моего уха. – Опирайся на меня. Ты в этом не один.

И я опираюсь. Всё равно кроме этого я сейчас ничего не могу.

– Вот и хорошо, – шепчет Амрис и переступает так, чтобы ему было удобнее поддерживать общий вес. Я слышу его дыхание и чувствую, как бьётся его сердце.

Постепенно я вновь начинаю чувствовать свои опоры и

могу встать на них достаточно устойчиво, чтобы поднять руки и обнять его. Не вижу, но чувствую его улыбку. Медленно улыбаюсь сам.

– Я одного не понимаю, – говорит он мне на ухо. Я обмираю. – Чшшшш, всё в порядке! Всё в порядке...

Он оглядывается, не размыкая объятия, тянет меня за собой, мы делаем два шага, и он помогает мне опуститься на кровать. Помедлив, опускается сверху.

– Я одного не понимаю, – повторяет он. – С чего ты взял, что я тебя не хочу?

Проснувшись, не могу понять, где я. Выглядит, как гостиничный номер. Светлая мебель, светлые стены, растительный орнамент на текстиле.

Как я здесь оказался?

Замечаю часы на стене – полдень уже миновал. Вот это да.

Сажусь на кровати, оглядываюсь. На тумбочке у изголовья замечаю записку, написанную на листке из фирменного блокнота гостиницы. Блокнот и карандаш лежат рядом.

«Друг мой, у меня появилась одна идея.

Если она сработает, то скоро увидимся.

Если не сработает, пожалуйста, прости меня за этот опрометчивый план.

Люблю. А.»

Мне ничего не говорят эти слова. Ладно, пусть лежит. Мало ли.

Бреду в ванную комнату, умываюсь и долго смотрю в отражение в зеркале. Одеваюсь – белая юбка, серая кофта, серый шарф – обнаруживаю в кармане юбки бумажник и ключи – только где находится дом, от которого эти ключи? – подхватываю ключ от номера и выхожу.

Захлопывая дверь номера, замечаю вдруг, что мне внутри очень-очень тепло. Как будто меня обняли изнутри.

Спускаюсь на лифте в холл.

Холл светлый и уютный. Высокие и раскидистые растения в горшках, диваны, кресла, маленькие столики. За некоторыми столиками посетители пьют кофе и читают прессу. За стойкой чем-то занята женщина с длинной светлой косой. Подхожу к ней.

– Добрый день. Я из... – смотрю на бирку, прикреплённую к ключу. – 317-го номера. Мне нужно что-то оплатить?

Она бросает то, чем она была занята, и смотрит на меня странным взглядом. Удивление, осторожность, интерес, наполненность какой-то историей.

– Нет, вам не нужно ничего платить. Для вас оплачен... – она смотрит на часы. – Видимо, уже ланч. Будете? Омлет, тосты, кофе?

Звучит отлично. Когда я последний раз ел?

– Да, спасибо. Куда мне пройти?

– Я провожу вас.

Столик в углу у окна оказывается не занят, и я располагаюсь там. Пока мне несут завтрак, смотрю в окно. Дневная

жизнь торгового квартала. Если перегнуться через подлокотник кресла, потянуться к окну и повернуть голову, то из окна виден кусочек светло-оранжевого неба.

– Пожалуйста, вот ваш ланч.

– Благодарю вас.

Она выставляет передо мной анонсированный ланч, но не уходит. Стоит, прижав к груди поднос и смотрит на меня прежним сложносочинённым взглядом. Встречаюсь с ним и поднимаю брови.

– Прошу прощения за моё любопытство, – осторожно говорит она. – И, может быть, не мне об этом с вами говорить, но в курсе ли вы сегодняшнего происшествия?

– Происшествия? – переспрашиваю я и принимаюсь за омлет.

– Да. Адриан Айек. Вам знакомо это имя?

– Увы. У меня плохая память на имена и лица, – ого, я могу пошутить сам с собой на эту тему. Женщина не уходит. – В чём дело?

Она мнётся, но потом решается.

– Разрешите, я присяду ненадолго?

Я делаю жест вилок в сторону незанятого стула. Омлет хорош. И кофе хорош. За такой завтрак я готов её выслушать.

– Вчера в номере 317 остановился человек по имени Адриан Айек. Вам точно не знакомо это имя?

– Говорю же, нет.

– Ну это же тот, который сделал эту империю голубых дирижаблей! Не знаете?

Пожимаю плечами. Она с недоверием вглядывается в моё лицо.

– В общем, человек с таким именем вчера остановился в номере 317. Потом он встретился в холле с вами, и вы вместе прошли в номер. Сегодня утром господин Айек спустился и... – она подбирает слова. – Предложил мне немалую сумму денег за то, чтобы я удалила из системы сведения о том, что он ночевал в номере 317, и внесла сведения о том, что на его имя был забронирован другой номер. Когда я спросила, зачем ему это нужно, он сказал, что в номере 317 спит его друг, и он не хочет, чтобы его беспокоили. Вы понимаете, о чём идёт речь?

– Увы.

– Но это же вы! – она удивлена. – Я помню вас со вчерашнего вечера! Вы не помните, что делали вчера вечером?

Я отставляю пустую тарелку и поддвигаю поджаренный хлеб и джем. Приглядываюсь к табличке с именем на её форме.

– Абрайя, я вынужден признаться, что страдаю амнезией, – она сдвигает брови. – Моя память обнуляется каждый день. Долговременные навыки – чтение, письмо, навыки жизни в обществе – остаются со мной, и я могу учиться, но я совершенно не помню своей личной истории. Вы удивитесь, но я не помню даже, как меня зовут. Я смотрелся в зерка-

ло перед выходом из номера, но я не помню, как я выгляжу. Поэтому, увы, я не помню, что я делал вчера вечером.

– Должно быть, это очень удобно... – протягивает она, и я чуть не поперхнулся.

– Простите?

– Ой, – она краснеет. – Я не про вас. Я просто не думала, что он...

И она ещё больше краснеет. Я жду пояснений.

– В общем, я сделала, как попросил Адриан Айек. Мне он очень нравится, я с удовольствием читаю его интервью и колонки в газетах, и я была рада исполнить его просьбу. Как будто я участвую в каком-то приключении. Он попросил проводить его в новый номер, я провела, он потрогал ручку двери, зашёл, потрогал шкаф, стул, стол, ручку двери в ванную, кран в ванной – похоже, он оставлял отпечатки пальцев. Он лёг на кровать под одеяло и тут же встал. То есть, он оставил следы того, что он был в этом номере, и мы ушли. Спустились обратно, он попрощался и ушёл.

Она делает паузу и испытующе смотрит на меня. Я по-прежнему не понимаю, какое отношение эта история имеет ко мне. Разве что записка в номере была подписана «А.». Абрайя вздыхает и продолжает.

– А через полчаса пришла полиция. И сказала, что произошёл несчастный случай. На соседней улице Адриан Айек был сбит автобусом. Полиция как-то узнала, что он останавливался в этой гостинице, и они пришли для расследования.

И тогда я поняла! Если бы Адриан не попросил меня провести заново регистрацию, полиция пришла бы к вам. И, учитывая, что вы сказали мне сейчас про вашу память, это могла бы быть неприятная ситуация. А так полицейские прошли в номер, который я им показала, осмотрели его и ушли. Такая история...

Она грустнеет и молчит. Я доедаю тосты и пью кофе.

– Неужели вам совсем не знаком Адриан Айек? – вдруг спрашивает Абрайя. – Подождите, тут где-то была газета с его фотографией...

Она вскакивает, делает несколько торопливых шагов к тумбочке с прессой и просматривает газеты в поисках нужной.

– Вот! – она кладёт передо мной газету. На фотографии сногшибательной красоты черноволосый мужчина. Из его уха до плеча спускается серьга в виде рыбьего скелета. – Вот это Адриан Айек. Владелец империи голубых дирижаблей. Представляете, в этой статье он жив, сегодня утром он тоже был жив, а сейчас он уже мёртв...

Её голос гаснет. Я смотрю на фотографию, на написанное крупными буквами имя, и у меня не укладывается в голове.

Как мёртв?

Ведь мы же вчера...

Я ставлю чашку на стол и прислушиваюсь к себе. Что?

Ведь мы же вчера разговаривали и любили друг друга.

Я помню.

Амрис, ты гений.

Волна жара проходит по телу. Я вспомнил. Сам, по-настоящему вспомнил.

Амрис, это отличная идея. Отличная, отличная идея. Теперь я понимаю, как это работает: я восстанавливаю память об известии о твоей смерти.

Я резко встаю. Абрайя удивлённо смотрит на меня.

– Абрайя, большое спасибо вам за завтрак, то есть, ланч, и этот рассказ. Вы очень много сделали для меня сейчас.

Я улыбаюсь торжествующе. Абрайя смотрит озадаченно. Пожимает плечами.

– Рада, если так. Жалко только, что хороший человек умер.

– Поверьте мне, он умер не зря. Мне нужно идти. Желая процветания вам и этому месту. Прощайте.

Киваю ей и ухожу. Дохожу до главной улицы, мне нужно на другую сторону. Город встречает меня обычным выбором, на какой свет идти: на алы й или на бирюзовый. И теперь, когда я всё помню, я иду на бирюзовый.

Ближайший причал воздушного транспорта – центр торгового квартала. Отсюда – пешком. То есть, бегом.

Прозрачный лифт мчит меня и ещё десяток людей на крышу, к которой швартуются дирижабли и воздушные шары. Дирижабль мне сейчас не подойдёт: в нём застеклённая кабина, чтобы дирижабли могли ходить в непогоду. А вот воз-

душный шар... то, что нужно.

Нужно будет подождать минут двадцать: один дирижабль, красный, сейчас выпускает пассажиров и отойдёт вскоре, на очереди стоит другой дирижабль, радужный. Пока он пришвартуется и выпустит пассажиров и наберёт новых... А за ним виднеется воздушный шар. Ярко-голубой, как мои глаза. Подожду его.

Стою под прозрачным навесом в зоне ожидания на крыше. Навес уберегает от солнца и не мешает обозревать окрестности. С рекламного щита на соседнем небоскрёбе на меня смотрит Амрис. Адриан Айек в этом воплощении. Ослепительно улыбается и мечтательно смотрит в небо. «Скоро увидимся», – шепчу. Скоро будет поле, скоро будет мгновенное и полное чувство друг друга. Хотя – и по моему лицу расплывается улыбка, – в нежном телесном общении есть своя прелесть и свой смысл.

Небо напитывается насыщенным оранжевым. Город кажется теснее. Меня накрывает прохладной тенью, и, подняв голову, я не удивляюсь, что над моей головой, высоко, проходит голубой дирижабль. Возможно, он направляется в соседний город, раз идёт так высоко. Улыбаюсь ему, прикрываю глаза и дышу, слушаю, чувствую простор дружелюбного мира вокруг. Восхитительное ликующее ощущение исполненного воплощения. Сделал то, зачем пришёл. Почаще бы так...

Слышу негромкий гудок – это сигнал об отправлении ра-

дужного дирижабля. Открываю глаза, наблюдаю, как он отходит. И к крыше приближается голубой воздушный шар. Мой.

Моими попутчиками в этом полёте, не считая молодой женщины-пилота, оказываются пара с мальчиком лет пяти, пожилая леди и молодой мужчина в очках и с портфелем. Заходим в корзину и располагаемся вдоль бортиков. Бортик мне по грудь.

Конечно, мне страшно. Это всегда страшно. И, может быть, не очень хорошо, что столько свидетелей, особенно ребёнка, но я тороплюсь. А ребёнок, может быть, и не поймёт.

Шар отходит от причала, и мы направляемся в сторону научного городка. Здесь, на высоте, и жарко, и ветер. Однако в шарф я не закутываюсь: он мне только помешает.

Сердце бешено колотится, и я дышу, вытянув губы трубочкой. Меня начинает потряхивать.

Замечаю в углу корзины, на противоположной от места пилота стороне, ящик, на который можно будет встать. Тогда юбка не помешает широте шага.

Мне нужно просто представить, что я ныряю. Тогда я смогу это сделать. Мне нужно рассказать своему телу сказку о том, что совсем близко внизу – вода. Спеть песню о близости воды моим опорам, которые сейчас болтаются в воздухе и дают телу понять, что вокруг пустота, хотя я в корзине твёрдо стою на ногах.

Итак, я стою на пирсе, и в трёх метрах внизу меня вода.

Мокрая. Шепчущая. Солёная. Плотная. Кольшется. Ждёт меня. Готова принять меня в свои объятия. Так близко. Как Амрис...

Мужчина из пары приподнимает ребёнка, чтобы тому было видно пейзаж, хотя на уровне пояса взрослого человека в корзине есть широкая полоса из стекла, чтобы детям было и видно, и безопасно. Его супруга начинает объяснять ребёнку, что видно из корзины, пожилая леди с умилением смотрит на них. Деловой мужчина уткнулся в какое-то устройство и поглощён им. Пилот подняла голову и наблюдает за состоянием аэростата. На меня никто не смотрит.

Сейчас или никогда. К этому невозможно быть готовым.

Вода и Амрис – очень-очень близко.

Три.

Делаю шаг к ящику.

Два.

Ставлю на ящик ногу, приподнимаю юбку.

Один.

Ставлю другую ногу на бортик, делаю глубокий вдох – я просто ныряю, я просто ныряю, и вода близко-близко, и она готова принять меня в свои объятия, – и отталкиваюсь.

И лечу.

Лови.

«Ну что, ты на Землю?»

«Угу. Будешь Хранителем?»

«Конечно. Я примерно вижу векторы, но я буду рад наблюдать всё в реальном времени. Тем более, ты можешь во многих местах передумать. И, Кан, как же я хочу увидеть тебя в полную силу, с горящими глазами и жаждой жить! Я соскучился по тебе такому не меньше, чем ты по мне в недавнем мире».

«Я попробую, Амрис. Не могу обещать, но попробую».

«Ты помнишь, зачем ты это делаешь?»

«Я и сам по себе такому соскучился...»

«Ты придумал, как будешь восстанавливать память?»

«Да, я просто зацеплю её за твою прошлую смерть. За эту жизнь я так натренировал ощущение “мне туда”, что я просто не смогу пройти мимо. Благо, что ты, как всегда, суперзвезда, и сведения о твоей смерти найти не трудно. И так как я плохо пережил её тогда, заодно восстановлю помершие части себя. Одним камнем двух птиц. Главное, когда я пойду навстречу твоей смерти и себе рядом с твоей смертью, пожалуйста...»

«Я буду там, да. Только, Кан, любимый друг мой Кан-Гиор, будь там сам суперзвездой. Так, как можешь ты – и никто другой. Верь в своё нежное, мудрое, неповторимое сияние. Питай его. И главное – выпускай его в мир. Тогда всё получится».

«Спасибо, Амрис. Я попробую».

«Люблю тебя бесконечно. До связи, мой друг».

«Люблю тебя. До связи».